

Следует отметить, что в это время Флоренция находилась под властью папы римского Клименте VI, который был родом из Флоренции и имел тесные связи с городом. Папа римский был известен своим жестоким правлением и неоднократно подавлял восстания в Флоренции. В это же время Данте был изгнан из Флоренции за свою политическую деятельность, связанную с оппозицией папе римскому. ГЛАВА 6

Когда Данте начал свое главное произведение, которое он назвал «Комедией» (эпитет «Божественная» добавил Боккаччо), точно не установлено. Одни полагают, что в 1307 году, другие — в 1313, во всяком случае, «Чистилище» и «Рай» он писал уже после похода Генриха VII, а заканчивал поэму в последний год своей жизни.

В «Комедии», как и во всех сочинениях Данте, написанных в изгнании, отчетливо проявилось стремление помочь людям стать совершеннее и обрести то единство и гармонию, которые он сам ощущал, когда писал «Новую жизнь». Вдали от Флоренции, на чужбине, он утратил эту гармонию, и ему стало казаться, что мир «заблудился» и человечество погрязло в пороках. И не он один так считал, многие его современники, даже не ушедшие в изгнание, разделяли с ним это чувство. Оно звучит в хронике Дино Компани, который пишет: «Пусть же плачут граждане Флоренции над собой и своими детьми: своей гордостью, лукавством и погоней за должностями разрушили они столь благородный город; за короткий срок они попрали законы, которых с таким трудом и так долго добивались их предки. Так

пусть ждут они теперь божьего суда, и многие знамения предсказывают, что будут они осуждены как люди, виновные в том, что сами утратили свою свободу».

Дино Компаньи, белый гвельф, оставшийся в стенах Флоренции, осуждал только флорентийцев. Данте же бродил по Италии и всюду видел распри, войны, встречался с изгнаниками, потерявшими родной дом. Правители-тираны и дурные пастыри ничего не делали, чтобы, наконец, прекратились войны. Личная трагедия Данте сливалась, казалось ему, с общей. Он почувствовал свою ответственность за то, что мир распадается, уже тогда, когда начал писать «Пир». Но этот первый его трактат не был закончен. Данте, очевидно, понял, что моральная философия, воздействующая на отдельных индивидов, недоступна большинству, не дает той общности, к которой он стремится, бессильна привести к нравственному обновлению и изменить мир. Второй трактат — «О монархии», где он утверждал общность политическую, которая станет возможной при идеальном государственном строе, тоже не достиг своей цели. Политический идеал Данте в силу своей утопичности не увлек его современников.

Сильнее, чем философия и политика, связывала современников Данте религия, и Данте, до «Комедии» создававший только произведения светского содержания, обратился на этот раз к религиозной теме.

В религиозную оболочку облекались все социальные и политические движения XII—XIII веков. «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы

вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»¹. Собственно богословские вопросы переплетались с вопросами нравственными и политическими. Поэтому Данте, стремившийся к тому, чтобы воздействовать на возможно более широкий круг читателей, и стал писать поэму на религиозный сюжет.

Известную роль в замысле поэмы сыграло то обстоятельство, что Данте во время своего изгнания попал на север, где были сильнее ереси и мистические движения.

Ереси принимали на протяжении средних веков различные формы. Но вопрос, который ставили все еретики, сводился к следующему: если господь всемогущ и добр, то почему же на земле так плохо, царит такая несправедливость, а пастыри так развращены? За этим чисто нравственным вопросом скрывалось недовольство политическим и социальным строем² и, в частности, недовольство церковными владыками, накопившими изрядные богатства и захватившими политическую власть.

В XII веке ересь охватила широкие народные круги. Наряду с постепенным обмирщением церкви и ее стремлением к светской власти усиливалось экономическое неравенство между горожанами, а городские низы (опора ереси) становились более грамотными и менее приниженными. Недовольство низов приняло более осознанный характер, политическая и общественная борьба в городах обострилась и сплелась с оппозицией против официальной церкви. Действительно, еретики самых разных групп и направлений деятельно участвуют в политической борьбе; опираясь на Евангелие, они пыта-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 314.

² См. там же, т. 7, стр. 361—362.

ются осуществить смутные утопические идеалы общественного и экономического равенства. Почти нет ересей, которые бы занимались только богословскими вопросами. Этим увлекались лишь учёные клирики и философы. В еретических же народных движениях выступали на передний план «земные», практические интересы.

В борьбе с еретиками, серьезно угрожавшими ее могуществу, церковь начала поощрять некоторые мистические движения, возникшие в значительной степени под влиянием францисканства.

Франциск Ассизский, создавший в начале XIII века в средней Италии (Умбрии) орден нищенствующих монахов, так же как еретики, проповедовал идею евангельской бедности и требовал от своих последователей полного отказа от собственности. Но на церковь он не нападал и не считал, что она должна отказаться от своих богатств. Благодаря этому «мирному» направлению папа Иннокентий III признал новый орден и разрешил францисканцам проповедовать. В учении Франциска было отчетливо выражено стремление приблизить бога к человеку, смягчить религию, сделать ее более личной, более эмоциональной и радостной. Вместе с тем францисканство усиливала мистицизм, а это приводило к полному отказу от рационального познания мира.

После смерти Франциска внутри ордена начались разногласия: большая часть францисканцев пошла по обычному традиционному пути и постепенно отказалась от бедности — своего основного девиза. Меньшинство ордена в своих резких нападках на церковь сомкнулось с еретиками.

Среди францисканцев этого направления имело широкое хождение «Вечное Евангелие» калабрийского аббата Иоахима Флорского, жившего во второй половине

XII века. Под влиянием Апокалипсиса и Евангелия от Иоанна Иоахим предвещал, что за всемирной катастрофой последует пришествие на землю святого духа, который пребудет вечно среди людей. Наступит высшая эра свободного созерцания.

Книга Иоахима была в 1255 году осуждена папой, но ее влияние сохранялось еще долго. В XIII веке в итальянских коммунах, где люди устали от войн и внутренних распреи, пророчества письменные и устные были в большом ходу. Время от времени появлялись неведомые пророки, заявлявшие, что они спасут человечество от бедствий. Они увлекали за собой народ проповедью всеобщего мира и публичного покаяния. Особенно сильными были движения 1233 и 1260 годов. Они не были еретическими, в них даже участвовало духовенство. Но и здесь звучали не только церковные призывы. Люди требовали мира, запрещения ростовщичества, исполнения евангельских заветов, ждали пришествия святого духа. Ортодоксальная религия и ересь таким образом соприкасались. Народ жаждал нравственного и социального обновления, и любое религиозное движение в той или иной мере приобретало социальный и светский характер, как только оно становилось массовым.

То, что мирянин Данте почувствовал себя пророком и судьей, стало возможным только после того, как в предшествующее столетие Италия видела не одного пророка. Данте не был еретиком и сознательно не выступал против догмы. Но в постановке некоторых социальных вопросов и острой критике церкви слышатся отголоски ересей.

Одновременно с религиозными движениями, распространившимися в народной среде, в церковных кругах шли ожесточенные богословские споры.

В начале XIII века основой католицизма было еще учение Августина с его мрачным представлением о че-

ловеке и человеческой жизни. Поставив вопросы: как человеку «спасти свою душу» и как прийти к истине, Августин ответил на них так, что фактически зачеркнул самодеятельность человека. Прийти к высшей истине (под истиной отцы церкви подразумевали познание бога) можно, по мнению августинианцев, только через божественное откровение, а «спасти душу» — только с помощью божественной благодати. Августин не доверяет ни человеческому разуму, ни естественной человеческой добродетели. Люди, считает он, по своей природе злы и греховны и заслуживают вечного проクлятия. Избежать его могут лишь избранные души из христиан, которых осенит благодать. Язычники на это не смеют надеяться, так как никакой личной веры Августин не признает. Лишь вера христианская считается объективно правильной, поэтому терпимости к инаковерующим нет. Хотя Августин и утверждает, что создатель мироздания — один, тем не менее дуалистическое представление о мире выражено в его учении достаточно отчетливо. Добро и зло, боги сатана — вечны, люди принадлежат либо богу, если он пожелал их спасти, либо сатане, и судьба их предрешена. В этом учении, созданном в мрачные времена заката Римской империи (IV в.), личность человека исчезает, так как его активность утрачивает нравственный смысл.

К середине XIII века аристотелевская философия, о которой мы уже говорили в связи с «Пиром», поколебала самые основы августинианской догмы. Наиболее радикальные сторонники Аристотеля, обвиненные в ереси, полностью восстановили права разума и фактически начали отделять философию от богословия. Тогда, как мы уже упоминали, на помощь церкви, которой надо было как-то справиться с ростом светской культуры, пришел Фома Аквинский. Он пытался примирить рацио-

нализм с религией, признал целесообразность физического мира и относительную самостоятельность природы. Мир в его учении перестал быть хаотичным, а природа враждебной. Но, пожалуй, главный сдвиг томистской доктрины по сравнению с августинианством ощущается в отношении к человеку. Фома отказался от утверждения всеобщей греховности: человек может выбирать между добром и злом. Августин не признавал естественной человеческой нравственности. Следуя за Аристотелем, рационалисты отделили ее от религии, Фома попытался их связать. Он старался перекинуть мостик от августинианской теории божественной благодати и предопределения к эмпирической этике Аристотеля, где основной источник добродетели — деятельность и упражнение воли.

Вся томистская система очень противоречива, да это и не могло быть иначе, она восходила к двум противоположным источникам — к рационализму Аристотеля и мистицизму Августина. Фома хотел рационально объяснить то, что основано было на вере. Но хотя сущность его учения августинианская, хотя богословие подавляет у него философию, хотя впоследствии его догма не меньше тормозила развитие науки, чем августинианство, а его последователи не менее жестоко преследовали инаковерующих, для современников Данте томизм был все-таки шагом вперед.

Ожесточенные споры между августинианцами, рационалистами и томистами, которые, в конце концов, одержали победу, тоже послужили толчком к созданию поэмы Данте, где большую роль играет философия в ее теологической форме. Влияние томизма чувствовалось и в трактатах, но в «Комедии» оно проявляется гораздо сильнее. Это «ученое» начало «Комедии», содержание которой, однако, отнюдь не исчерпывается теологией, а

касается всех политических и нравственных проблем, вопросов «земного бытия».

О непосредственной цели своей поэмы Данте говорит в латинском письме Кан Гранде делла Скала. Она заключается в том, чтобы «выврать ныне живущих людей из состояния злополучия и привести к состоянию счастья. Тот вид философии, который в поэме является ведущим,— это философия моральная, то есть этика, ибо поэма написана в целом и в частях не для созерцательных целей, а для действия». Преследуя эту цель, он и решил избрать своим сюжетом состояние души после смерти и в аллегорической форме показать, что человек, «согласно своим действиям, в силу присущей ему свободы воли, подчинен правосудию, награждающему или карающему». Чтобы исправить людей и привести их к счастью, он написал поэму, которая начинается мрачно, а конец имеет счастливый и написана не «высоким» стилем, а «средним». Отсюда и название ее «Комедия» (Данте следует средневековой поэтике, где комедия и трагедия не были жанрами драматическими, а различались лишь своим характером и стилем).

Данте, таким образом, придавал своей поэме особое значение — она должна спасти мир. В этом его миссия. Мир же для него — прежде всего Италия, потому он и написал «Комедию» на языке, доступном итальянцам.

«Он сознавал,— пишет Боккаччо,— что если бы, подобно всем прежним поэтам, он написал Комедию латинскими стихами, они были бы понятны одним только ученым, напротив, создавая поэму на народном языке», он «становился доступен и приятен для людей необразованных»¹.

¹ «Жизнь Данта, написанная Джованни Боккаччио» в кн.: Данте Алигиери, Божественной комедии часть вторая. Чистилище. М. 1898, стр. 58.

Эта цель заставила Данте искать и соответствующий литературный жанр, пользующийся широким распространением в народной среде. Очевидно, таким подходящим жанром ему показались видения — прозаические и поэтические произведения, изображающие загробный мир. Представление о загробном мире встречается в мифах всех народов. Оно проникло и в литературу древних греков и римлян. Но настоящая литература о загробной жизни развилаась в христианскую эру. Ни в одной религии загробное царство не играло такой роли, как в христианстве. Уже в Евангелии неоднократно говорится о «царстве небесном», куда попадут угнетенные и страждущие, и о «пещи огненной», уготованной грешникам. Впоследствии у западной церкви (католической) представления о загробном мире усложняются: кроме ада и рая, появляется еще чистилище для покаявшихся грешников (окончательно было «утверждено» в XIII веке) и Лимб для некрещеных младенцев и язычников, умерших до рождения Христа.

В первые же века христианства возникают и видения. Аскеты-отшельники свои галлюцинации и сны, где действуют потусторонние силы и предстает загробный мир, принимали за явь и рассказывали о них, считая, что этим они выполняют свой долг и помогают спасению своих доверчивых слушателей. Появляются легенды, которые впоследствии записываются и становятся основой особого жанра религиозной литературы, создававшейся на латинском языке¹.

В XII веке в Европе были широко известны три видения, пришедшие из Ирландии: «Путешествие св. Брэндана», «Чистилище св. Патрика» и «Видения Тнугдала»,

¹ См. А. Веселовский, Данте и символическая поэзия католичества в кн.: «Собр. соч. А. Н. Веселовского», т. 3, СПб. 1908, стр. 42—112.

где герои странствовали по загробному миру и видели муки грешников и блаженство праведников.

Ирландские видения на латинском языке были хорошо известны в Италии. В XII веке у итальянцев появилось и собственное видение монаха Альберика, «спасавшего свою душу» в тосканском монастыре Монтекассино.

Некоторые детали в изображении ада в дантовской поэме указывают на то, что эта латинская религиозная литература была ему знакома.

По образцу чисто религиозных мистических видений появились и видения иного характера, преследовавшие не столько поучительную, сколько политическую цель. Возникли они не в отшельнической среде, а в среде духовенства, принимавшего активное участие в политической борьбе. Мы встречаемся с зарождением этого жанра в «Диалогах» Григория VII, где говорится, что некий монах в день смерти короля Теодориха видел, как покойника убитые им когда-то папа Иоанн и патриций Симмах бросили в кратер вулкана. Особено много такого рода видений возникло во Франции в эпоху Каролингов, но были они и в Италии.

Естественно, что видения, проникнутые политическими интересами, уже не являются чисто религиозным жанром, они превращаются в политическую сатиру. Несмотря на такую эволюцию жанра, собственно религиозные видения и в XIII веке не утратили своего значения. Жанр этот развивался на севере Италии, на ломбардском и венецианском диалектах. Авторы религиозных поэм близки к еретическим учениям, хотя некоторые из них и считаются католиками. В поэмах слышен призыв к моральному обновлению, порицается богатство и развратная жизнь (особенно духовенства). Религиозность их мрачная, поэты пессимистически смотрят на мир, где сатана — воплощение зла — не уступает по силе богу.

Тем не менее они считают своим долгом поучать своих слушателей или читателей, устрашая их загробными муками. В этом цель и смысл их поэзии, неуклюжей, простой, но сильной и выразительной. По ней мы можем частично судить о нравах, духовной жизни и вкусах народа. Поэты и творили для народной среды, не стремясь к изяществу и изысканности.

Рай они изображали как прекрасный город, окруженный стенами из драгоценных камней, бог походил на императора, а святые и апостолы на баронов и рыцарей.

Ад тоже рисовался городом, но страшным и грязным, с нависшим железным небом. В нем обитают змеи, драконы и черные рогатые дьяволы, которые избивают несчастных грешников.

С произведениями северных авторов Данте познакомился, когда попал в Верону, и, вероятно, они натолкнули его на мысль создать поэму этого жанра на народном языке. Наряду с этими безыскусственными творениями, могли повлиять на него и произведения другого, более ученого характера.

Во Флоренции, на его родине, тоже были своеобразные видения — аллегорические поэмы светского содержания. Одна из них принадлежала перу Бруннетто Латини, которого Данте считал своим учителем. Под влиянием французского аллегорического романа Латини, проведший несколько лет во Франции (между 1260 и 1266 гг.), начал писать итальянскую поэму «Малое сокровище». В ней он рассказывает, как в 1260 году, возвращаясь из Испании, он будто бы заблудился в темном лесу и встретился с Природой (в образе солидной матроны), прочитавшей ему лекции об устройстве вселенной, о своих отношениях со всемирным, о человеческойатуре, а затем с императрицей Добротелью, преподавшей ему основные принципы этики.

Аллегорические фигуры Природы, Добродетели использованы в духе средневековой эстетики: они должны иллюстрировать мысли автора. Воплощая общие отвлеченные понятия, они облегчают процесс познания.

Мы видим, что жанр видений отличался большой емкостью: он сочетал в себе собственно религиозный жанр, светскую аллегорию, преследующую дидактически познавательную цель, и политическую сатиру. Эта емкость должна была привлечь Данте, стремившегося затронуть все стороны духовного мира своих современников.

Кроме того, и для Данте это было очень важно, в видении легче всего могли совпасть путь личности и судьба человечества, так как герой, странствующий по загробному миру, становится для читателей или слушателей символом человеческой души.

Но жанру присуща была и ограниченность: он не предусматривал движения, кроме чисто механической смены декораций. В его рамках потенциально невозможна было изобразить историческую борьбу и активных героев. Для этого нужен был эпос. А классической эпохе в Италии не было. Жизнь города, где люди были не только спаяны, но и разобщены, и где слишком сильна была книжная культура, в общем, не способствовала развитию этого рода поэзии. И все же итальянских горожан эпос привлекал. И жонглеры переделывали для итальянского слушателя французские эпические сказания, которые постепенно превращались в фантастическую приключенческую повесть и утрачивали свою эпичность и героическое начало.

Но если скромные ремесленники довольствовались многочисленными переделками «Песни о Роланде», которые исполняли для них уличные певцы, то более образованные горожане увлекались латинской поэзией. Они чтили не только былое величие Римской империи, но и

ее культуру. Традиция латинской культуры в Италии не прерывалась, хотя эта культура и деградировала и полностью удовлетворить духовные запросы читателей уже не могла.

В университетах изучали латинских авторов, особенно Вергилия, Овидия, Стация и Лукана. Изучали схоластически, навязывая их произведениям аллегорический смысл, но все же эти писатели продолжали жить, несмотря на то что церковь осуждала светскую культуру.

Особым почетом пользовался Вергилий. Его четвертую эклогу толковали аллегорически и утверждали, что поэт будто бы предсказал появление Христа. О самом Вергилии слагали легенды.

Данте изучал латинскую литературу так, как это было заведено в его время; сначала он прочел эпигонов, а затем уже Вергилия, Горация, Овидия. Он не был ни начитаннее, ни образованнее, чем некоторые из его современников, и все же его восприятие античности иное, чем у них. Для него в произведениях классиков открывалась эстетическая сторона, поэзию Вергилия он оценил выше, чем всю художественную литературу средних веков. Вергилий для него и философ, и любимый поэт. Данте не просто читал «Энеиду»: очевидно, эта поэма была для него в известной мере образцом литературного произведения. Его, вероятно, привлекала идея поэмы: прославление римской державы, оставшейся для Данте идеалом. Близок Данте и дух гражданственности, пронизывающий «Энеиду», резкое осуждение богатства и идеализация скромной патриархальной жизни предков и, наконец, фантастика, которая занимает такое большое место в поэме Вергилия. Вся шестая книга «Энеиды» посвящена подземному странствию Энея в царство мертвых.

Античные мифы в этой книге близки в какой-то ме-

ре к христианским, и это дало возможность Данте перенести их в христианский загробный мир. Главный герой Вергилия — Эней тоже был одним из немногих языческих героев, который по своему нравственному облику не был чужд христианской морали, ибо основное его качество — благочестие и покорность воле богов. Все это, так сказать, субъективная близость между Данте и Вергилием, но есть и объективная близость, которую сам Данте, вероятно, не осознавал.

В «Энеиде», хотя это и не народная эпопея, а лишь подражание ей, личная судьба героя, его спасение и бегство из-под Трои, долгое странствие по морю, становится «внеличной» миссией, возложенной на него богами. Он должен достигнуть берегов Италии и основать римское государство. Ради этого он жертвует любовью Диодоны, подвергается ярости морской стихии, ведет кровопролитную войну с итальянцами.

Как Эней, спасая себя, совершил эпический подвиг: построил государство, — так Данте, герой «Комедии», спасая свою душу, хочет спасти человечество. Внутренней силы у него достаточно, ничего общего с героями старых видений у него в этом отношении нет. Те были безличными и пассивными наблюдателями, и так же пассивны и безличны были обитатели загробного мира. Никакая борьба там была невозможна. В загробном мире «Комедии» борьбы в прямом смысле тоже нет, но все персонажи еще живут ею, а главный герой в своих отношениях с ними значительно превосходит активностью не только Тнугдала или Альберика, но даже и Энея.

Поэма Данте, хотя и относится к традиционному жанру видений, во многом приближается к эпопее и фактически выполняет ее функцию. Вся та ожесточенная политическая, социальная и идеиняя борьба, которая велась в течение двух столетий, получила, наконец, свое

выражение. Это заметил Пушкин в одном из своих черновых набросков: «Уже Италия имела [тройственную] поэму, в которой все предания, всё знание, все страсти, вся духовная жизнь воплощены были чудн^о силою поэта и сделались, так сказать, доступны осязанию...»¹ В поэме раскрывается весь мир средневековой Италии, ее политические проблемы, ее религия, научные и эстетические воззрения; слышатся отголоски недавних гражданских распрей и далекие воспоминания о латинской культуре предков. Все вобрала в себя поэма. И вместе с тем она стала и глубоко личным произведением, где чувства, характер поэта, его судьба и его взгляды запечатлелись с необыкновенной ясностью. В ней он полностью выразил свое мироощущение во всей его сложности и многогранности. Томистско-аристотелевская этика и теория познания, полунаучное-полуфантастическое представление об устройстве земли и вселенной, мистический экстаз — связывают поэта с тем видением мира, к которому пришли ученые-теологи и философы после долгих и ожесточенных споров, не приведших, однако, к разрыву с многовековой традицией. Придерживаясь в основном их концепции, Данте остается лишь образованным мирянином. Это «ученое» теологическое начало сталкивается с этикой светской, сложившейся в средневековых городах-коммунах в результате ересей, социальной и политической борьбы, этикой, которая граждебна социальному расслоению, войнам и гражданским распрям, обмирщению духовенства и которая утверждает своим основным законом единство граждан, корпоративный дух. Выражая эту светскую народную этику, непосредственно связанную с политикой, более живую и жизненную, чем философско-теологическая мо-

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, изд. АН СССР, 1949, стр. 511.

раль, Данте встает перед нами как гражданин средневекового итальянского города-коммуны, прежде всего — Флоренции, но не только ее одной. Именно в его связи с городом следует искать начало его политической теории и интереса к земной светской жизни. Но Данте смотрит на мир не только глазами ученого-теолога или изгнанного флорентийского приора, отказавшегося от узкомуниципального взгляда на политику. Его взгляд шире, он ушел вперед от своих современников-горожан, основная масса которых еще живет средневековыми, патриархальными представлениями. И его личное видение отчетливо ощущается в поэме. Сквозь этику, отражающую сознание века, прорывается мораль, которую мы можем назвать гуманистической, мораль, приближающая поэта к Возрождению, ибо в человеке Данте видит прежде всего личность во всем ее своеобразии, и эта личность, активная, деятельная, стремящаяся познать мир, выступает на передний план. Но сложная дантовская этика кажется единой, ибо традиционные взгляды и личное видение поэта, получившие в «Комедии» дальнейшее развитие, еще уравновешены и органически связаны между собой. И когда между ними возникает противоречие, то оно еще не является осознанным.

Данте считал, что существует некий общий закон высшей справедливости, царящий в мироздании. Реальной жизни своего времени, с ее глубочайшими противоречиями, он хотел противопоставить идеальный единый мир, обнимающий землю, подземное царство и космос, мир, где высшая справедливость проявляет себя с полной последовательностью. Изображение этого мира и становится содержанием поэмы.

Мы ощущаем, что перед нами единый мир, благодаря геометрической точности, с которой он построен. В центре его находится земной шар, где суша занимает

только северное полушарие. Ад представляет собой уходящий в глубь земли конус, вершина которого в центре земли. Чистилище — гора, поднимающаяся из вод южного полушария, тоже имеет форму конуса, но усеченного¹. Его центральная ось является продолжением оси диаметра, на которой находится и центр земли, и Иерусалим (центральная точка северного полушария). Земной шар окружен небесными сферами.

Ад разделен на девять кругов. Чистилище — на семь, но есть еще предчистилище и земной рай, так что всего подразделений тоже девять; и рай (небо) разделяется на девять сфер, увенчанных Эмпиреем.

Эта геометрическая симметрия придает дантовскому миру устойчивость, внутреннее единство и законченность. Симметрично не только изображение мироздания, но и архитектора поэмы. Она тоже закончена и едина. В поэме сто песен, одна из них вводная, а каждому из трех царств посвящено тридцать три песни. Песни содержат приблизительно одинаковое число терцин (трехстиший)². Исследователи неоднократно указывали на числовую символику: Данте придает особое магическое значение числам три и десять. Но поражает не символика сама по себе, а то, что Данте с такой точностью расположил все содержание поэмы. Недаром Пушкин говорил о гениальности дантовского плана.

Строго симметрично развивается и сюжет поэмы. Повествование о путешествии по загробному царству сочетает внешнее описание того, что увидел Данте в аду,

¹ Создав эту гору, о которой никто из отцов церкви не говорил (они считали, что чистилище тоже находится под землей, только не так глубоко, как ад), Данте несколько детализировал и изменил принятую в его веке космографию.

² Терцины изобрел не Данте, но никто до него не пробовал использовать этот поэтический размер в поэмах.

Сандро Боттичелли, «Ад», песнь тридцать третья.

чистилище и раю, и рассказ о его встречах с душами умерших, которых главным образом интересует то, что происходит на земле. Таким образом, загробная и земная жизнь все время переплетаются, образуя как бы два плана — фантастический и реальный. Все «встречи» представляют собой законченные эпизоды, но основную нить повествования они не нарушают.

Симметрия проявляется и в расположении фигур: в аду Данте видит дьяволов и в нижней точке ада — Люцифера. В чистилище и в раю — ангелов и в высшей точке — божество (средневековый дуализм здесь еще остается в силе). Ведут Данте по загробному миру четыре проводника: когда полномочия Вергилия кончаются, его сменяет аллегорическая фигура Матильды, когда Beатриче оставляет Данте и поднимается в Эмпирей, на ее месте оказывается св. Бернард.

Все кажется устойчивым, неподвижным и прочным в грандиозном дантовском мире, где разверзается пучина зла и страдания и открывается сфера блаженного созерцания истины.

И все-таки, если мы последуем за Данте в его путешествии, то мы увидим, что, хотя в его вымышленном мироздании и царит единый закон, Данте видит и все разнообразие реальной жизни, человеческих судеб, характеров и чувств, зачастую противоречащих этому закону, и переносит это разнообразие в свою поэму. Симметрия и законченность сочетаются с конкретностью изображения и драматизмом. Меняется содержание частей — меняется характер поэзии, и все три части поэмы, хотя и подчиненные общему замыслу, приобретают самостоятельное значение.